

Таким образом на поставленный нами в этой главе вопрос мы должны дать отрицательный ответ: переводные сборники религиозных легенд конца XVII в. не оказали никакого влияния на «Повесть о Савве Грудцыне».

И это объясняется не только тем, что эти сборники появились в переводах на церковно-славянский язык позже установленного нами времени написания «Повести о Савве Грудцыне».

Большинство легенд данных сборников — особенно это надо сказать о легендах «Великого Зеркала» и «Звезды Пресветлой» — и в идейном, и в композиционном и в стилистическом отношении представляют собой, условно говоря, «католический» тип религиозной легенды. Они являются произведениями, явно обнаруживающими свою связь с католическим культом девы Марии и сохраняющими в описании событий, картин и действующих лиц ряд деталей, характерных только для католического Запада.

В отношении жанра и стиля эта часть легенд сборников близка к средневековой католической религиозной лирике и религиозной повести особого назначения (для проповедников). Это краткие схематические повестушки-примеры на определенные религиозно-правственные сентенции. Огромное большинство их построено на прославлении Ave Maria: это определяет их композиционные особенности. Их язык изобилует усложненной и цветистой символикой, истинный смысл которой коренится в соответствующем ритуале культа девы Марии.

Эта часть легенд данных сборников далеко отстоит от широких исторических и бытовых картин и социальных тенденций «Повести о Савве Грудцыне».

Сходные же с «Повестью о Савве Грудцыне» легенды этих сборников оказываются произведениями или возникшими на византийском Востоке или написанными в духе византийской литературной традиции, причем многие из этих легенд были издавна известны в русской письменности, придя в нее через славянский юг, Афон и т. п.

Поэтому обнаруживаемые при сопоставлении данных сборников и «Повести о Савве Грудцыне» черты сходства, вне всякого сомнения, находят свое объяснение или в общности византийской литературной традиции для отдельных мотивов и сюжетов или же, в отдельных редких случаях, в сходстве социальных и культурно-бытовых условий, вызвавших к жизни сходные же литературные картины и положения сопоставляемых произведений.

Очевидно, от стремления объяснить возникновение «Повести о Савве Грудцыне» в связи с западноевропейской переводной религиозной легендой конца XVII в. надо навсегда отказаться.